

это видно на примере блестящих работ Отто Хинце¹¹. В отечественной традиции можно вспомнить труды Н.П. Павлова-Сильванского, но в обширной историографии, посвященной России XVI – начала XVII в., компаративистских работ практически нет.

Но можно ли, не прибегая к сравнению, решить задачу, поставленную Аракчеевым: «наметить подходы к определению типологии российской государственности» (с. 17)? Отдельные параллели, встречающиеся в книге (например, между русскими «посланниками» второй половины XVI в. и средневековыми *missi* в Западной Европе или между ходом закрепощения в России и в Центральной Европе (с. 373, 412)), не позволяют сделать обоснованных выводов. Поэтому, когда в заключении автор пишет о наблюдаемых в московской административной практике «общеевропейских тенденциях – к бюрократизации, рационализации, унификации» и о том, что «Россия второй половины XVI – начала XVII в. предстает как европейское государство» (с. 413), – такой вывод, сам по себе правдоподобный, но не подкрепленный сравнительно-историческими штудиями, звучит голословно.

Книга В.А. Аракчеева является крупным достижением современной российской историографии. Многие наблюдения автора над московской административной практикой XVI – начала XVII в. прочно войдут в научный оборот. Вместе с тем на примере этой монографии можно сказать, что возможности институционального подхода, в русле которого она написана, отнюдь не безграничны. Перспективы серьезного переосмысления эпохи Московского царства видятся мне на путях сравнительной истории и истории понятий.

Дмитрий Лисейцев: «Подвижность» терминов и коварство классификаций¹²

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, and National Research University Higher School of Economics, Russia): On «fluidity» of terms and unreliability of classifications

Книга В.А. Аракчеева относится к числу трудов, публикации которых специалисты по смежным тематикам ждут с нетерпением. Взгляды автора на политические и экономические процессы, протекавшие в России XVI – начала XVII в., хорошо известны исследователям истории Московского царства по многочисленным статьям, нередко носившим постановочный характер, а также по блестящим архивным находкам, ставшим заслуженным итогом его долгой и кропотливой работы в документальных собраниях архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Появление монографии в 2014 г. – настоящий подарок для специалистов и своего рода веха в изучении российской истории второй половины XVI – начала XVII в.

Книга Аракчеева удивляет многогранностью: автору удалось собрать в ней сюжеты, традиционно рассматриваемые в отечественной историографии изолированно друг от друга. Это и анализ статуса тяглого населения (крестьянства

¹¹ Сравнительно-исторические статьи Отто Хинце собраны в первом томе его избранных трудов: *Hintze O. Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte* (Gesammelte Abhandlungen, Bd. I). 3. Aufl. Göttingen, 1970.

¹² Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

и посадских людей), их места в социальной структуре Московского царства; и рассмотрение процесса закрепощения тяглых сословий (тема, относившаяся на протяжении долгого времени к числу магистральных в нашей исторической науке); и земская реформа середины XVI в., и опричнина, и земское движение в годы Смуты. Замечу особо: по данным вопросам написано огромное количество научных трудов (блестящее знание автором историографии достойно отдельного упоминания), однако Аракчееву удалось сказать собственное слово практически по каждой поднятой им научной проблеме. Рассмотренные им события и явления не производят впечатления случайного собрания сюжетов — напротив, переплетаясь и дополняя друг друга, они создают непротиворечивую картину эволюции Московского государства на протяжении более чем полувека.

В ходе обсуждения монографии, в надежде на то, что мои соображения окажутся небесполезными для автора, коснусь лишь некоторых сюжетов. Один из них — институт посланников. К его рассмотрению Аракчеев обратился не первым (его предшественниками были Н.С. Чаев, В.И. Корецкий, Б.Н. Флоря), но именно он впервые предпринял попытку всестороннего изучения этого чрезвычайного института, носившего, по мнению исследователя, фискальный характер (руководство деятельностью посланников, по его предположению, осуществлялось дьяками четвертных приказов).

Опубликованная в журнале «Российская история» в 2010 г. статья Аракчеева, в значительной своей части посвящённая этому сюжету, вызвала научную дискуссию. Некоторые положения работы были поставлены под сомнение в напечатанной спустя два года статье А.В. Воробьёва, который, в отличие от автора обсуждаемой книги, склонен связывать деятельность государевых посланников с Разбойным приказом¹³. Завязавшийся научный спор продолжился на страницах монографии Аракчеева, полагающего, что «в данном случае мы имеем дело с двумя различными категориями чиновников, получивших сходное название по причине их одинакового качества — командирования для контроля на местах... употребление термина “посланник” по отношению к командированным чиновникам Разбойного приказа в середине XVI в. было случайным, а сами они не имели отношения к посланникам, отправляемым на места Казной и четвертями других приказов» (с. 370–371).

В конечном итоге спор, как констатировал Аракчеев, сводится к решению вопроса о том, какие из центральных правительственных учреждений направляли посланников на места и составляли для них указы (с. 380). Однако, как мне представляется, неверно связывать деятельность посланников только с четвертями, равно как и исключительно с Разбойным приказом. Думается, они были чиновниками с чрезвычайными полномочиями, а направлять их в провинцию могли из разных ведомств. С деятельностью правительственных агентов, выполнявших важные поручения центральной власти на местах, мы встречаемся и на исходе Смутного времени, и по его завершении. Летом 1616 г. в Костроме и Костромском уезде, например, действовал прибывший из столицы посланник Фёдор Григорьевич Кобылин, занимавшийся высылкой на государеву службу костромских детей боярских, не желавших покидать поместья

¹³ Аракчеев В.А. Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики Русского государства 1560–1580-х годов // *Российская история*. 2010. № 1. С. 21–26; Воробьёв А.В. Разбойный приказ в XVI – начале XVII века: эволюция, руководство и административная практика // *Российская история*. 2012. № 1. С. 23–24.

ради ратной службы под Смоленском. Причём совершенно очевидно, что деятельность посланника Кобылина (называвшегося также сборщиком) не была связана ни с четвертями, ни с Разбойным приказом: его отписки, направляемые в Москву, адресованы дьякам Разрядного приказа; им же он вручил составленные во время пребывания в Костроме списки служилых людей¹⁴.

С посланником сталкиваемся в начале 1620-х гг. и в Кашире: таковым был Грязной Кузьмин, разбиравшийся в конфликтной ситуации, возникшей между каширским воеводой кн. Иваном Шаховским и сыном боярским Иваном Писаревым – Кузьмин именуется в документе «посланником», «послалником» и «сыщиком»¹⁵. Последнее обстоятельство, как представляется, даёт основания согласиться с мнением А.В. Воробьёва, отметившего, что «вскоре после Смуты (или на её финальной стадии) государевы посланники из Разбойного приказа получают новое, закрепившееся за ними надолго именование сыщиков»¹⁶ (с уточнением, что деятельность «посланников-сыщиков» не следует связывать исключительно с Разбойным приказом).

Прекращение деятельности посланников Аракчеев отнёс к Смутному времени и связал с «кристаллизацией приказно-воеводской системы управления» (с. 383). Отчасти с этим утверждением можно согласиться: Смутное время создало в Московском государстве настолько острую политическую и экономическую обстановку, что «точечные меры» вроде направления «посланника» в тот или иной уезд уже не могли кардинально её изменить. Чиновники с чрезвычайными полномочиями не могли быть эффективны в условиях, когда чрезвычайная ситуация превратилась в часть политической и экономической повседневности. Действенными могли быть лишь мероприятия, проводимые на общегосударственном уровне – введение экстраординарных налогов («запросные» или «пятинные» деньги), ревизия платёжеспособности населения на местах (массовые городовые и уездные «дозоры»), создание временных приказных комиссий для наведения порядка в поземельных и прочих имущественных отношениях между служилыми людьми «до большого сыска». В дальнейшем функции таких органов приняли на себя Сыскные приказы 1620–1630-х гг., занимавшиеся, в числе прочего, возвращением на посады бежавших от государственного «тягла» посадских людей.

Впрочем, и «точечные» меры, несмотря на укрепление на местах воеводской администрации, правительство царя Михаила Фёдоровича не игнорировало. В 1616/17 г. из Москвы в дворцовые сёла разных уездов были направлены жильцы, задачей которых было увеличить количество «выдельного хлеба», поступавшего в распоряжение государя и его двора. Многие из них с задачей справились, за что были позднее вознаграждены в Казённом приказе (его расходные книги и сохранили для нас сведения о сборе «выдельного хлеба»). Охвачены этим экстраординарным мероприятием оказались Арзамасский, Балахнинский, Белёвский, Владимирский, Волоцкий, Звенигородский, Калужский, Каширский, Клинский, Коломенский, Мосальский, Нижегородский, Оболенский, Переславль-Залесский, Пошехонский, Ростовский, Рязанский, Серпейский, Серпуховской, Стародубский, Суздальский, Ярославский уезды. Фискальный характер поручений, выполнявшихся жильцами в 1616/17 г., сомнений не вызывает: основанием для их вознаграждения в приказных документах всегда

¹⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 32 об., 34 об., 42.

¹⁵ Там же, оп. 13, д. 8, л. 349, 354 об., 357, 373, 383.

¹⁶ Воробьёв А.В. Указ. соч. С. 24.

выступает то, что они «государю учинили прибыли много». В подавляющем большинстве эти люди командировались в уезды из приказа Большого дворца, которому подведомственны были дворцовые сёла (лишь жильцу, собиравшему «выдельный хлеб» в Нижегородском уезде, жалованье было выдано по памяти из Новгородской четверти)¹⁷.

Резюмируя, отмечу: термины, употреблявшиеся в административной практике Московского царства, не застывали навеки и были порой весьма «подвижны». Одно учреждение могло носить параллельно несколько названий. Так, ведомство, контролировавшее изготовление артиллерийских орудий и обеспечивавшее жалованьем артиллеристов, могло практически одновременно именоваться Пушкарским, Пушечным, Городовым или Засечным приказом. Приказ, ведавший служилыми иноземцами, мог зваться как Иноземским, так и Панским (в периодической смене этих вариантов названий наивно усматривать следы каких-либо административных реформ)¹⁸. Равным образом один и тот же термин обозначал принципиально разные явления или чины: «посланником» мог быть назван как чиновник, отправленный из Москвы в соседний уезд для сбора податей, хлеба или поимки «лихих людей», так и дипломат, выехавший на переговоры далеко за рубеж.

Несколько слов по поводу одного из заключительных тезисов монографии, вызвавших критические замечания других участников дискуссии, а именно – о типологии Российского государства. Читателю, по сути, предлагается выбор из двух возможных вариантов: «самодержавная монархия деспотического типа» или «европейское государство». Отвергнув (на мой взгляд, вполне обоснованно) отнесение Московского царства к числу «деспотических монархий», Аракчеев заключил, что «Россия второй половины XVI – начала XVII в. предстаёт как европейское государство» (с. 413). Вторая часть вывода исследователя не столь бесспорна.

Употребление термина «европейское государство» вызывает ряд вопросов, главный из которых – какой именно смысл мы вкладываем в это понятие? Что служит эталоном «европейского государства» XVI в. – торговые города-республики Северной Италии или королевства Скандинавского полуострова? Франция, где постепенно умирали Генеральные штаты и медленно, но верно протекал процесс формирования абсолютизма, или Англия, из десятилетия в десятилетие укреплявшая основы ставшего уже тогда для неё традиционным парламентаризма? Германия, к середине XVI в. надолго утратившая надежду на преодоление раздробленности, или Испания, только что завершившая Реконкисту и шагнувшая за океан в попытке создания общемировой державы? Нидерланды, где в XVI в. восторжествовали буржуазные отношения, или Речь Посполитая, в которой закрепощение крестьянства в те же годы приобрело наиболее жёсткие формы? Протестантский Север Европы или же её католический Юг?

Понятие «Европа» для XVI–XVII вв. имело скорее географический, нежели политический смысл, а в лексиконе российской правящей элиты употреблялось крайне редко. В частности, в процессе переговоров Бориса Годунова с посланником английского короля Якова I Томасом Смитом в 1604 г. понятие «Европа»

¹⁷ РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 203 (1617/18 г.), л. 444 об.–445, 454, 455 об.–456, 459 об.–460, 468–469 об.; кн. 204 (1618/19 г.), л. 73–73 об., 149 об., 292, 310, 322 об.–323, 745.

¹⁸ См.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 177–192, 216–218.

прозвучало лишь однажды, причём именно из уст английского дипломата: «чего все государи и властели *европские* у него (короля Якова. — *Д.Л.*) просили». Для российской политической мысли XVI–XVII вв. понятие «европейское государство» было не характерно (что, впрочем, не мешало русским государям вести родословие «от Августа-кесаря»), для её политической самоидентификации гораздо большее значение имел фактор конфессиональный. Однако именно в религиозном отношении Европа XVI–XVII вв. была чужда Московской Руси (не говоря уже о том, что она была далека от конфессионального единства и в своих собственных географических границах). Представляется, что не следует подгонять Московское царство, равно как и типологически весьма отличные от него и друг от друга страны Европы периода Раннего Нового времени под крайне спорную и жёсткую дилемму «деспотическая монархия» — «европейское государство»: политические реалии того периода были много разнообразнее и богаче на оттенки.

Самостоятельную ценность имеют приложения к монографии, в которые включён 41 документ. Из них 30 увидели свет впервые, 9 публиковались ранее самим автором. Указная грамота 1555 г. крестьянам Устьянских волостей об отмене кормлений публиковалась ранее М.М. Богословским (что оговорено Аракчеевым в приложении (с. 414)), но в книге её текст воспроизведён по подлиннику с исправлением допущенных при первой публикации ошибок. Ещё один документ, опубликованный в приложении к монографии, издавался ранее — челобитная посадских людей чёрной слободы Переяславля Рязанского о неправильном обложении оброком (с. 455–456). Данный источник в 1913 г. был издан С.Б. Веселовским, впрочем, с некоторыми характерными для него отступлениями в передаче текста (например, числительные, передаваемые в тексте словами, в публикации Веселовского часто передаются арабскими цифрами)¹⁹. Публикация же Аракчеева, осуществлённая по архивному подлиннику, воспроизводит текст источника точнее и потому, как и переиздание указной грамоты 1555 г., представляется вполне оправданной.

Вообще сопровождение исследований по отечественной истории XVI–XVII вв. публикациями исторических источников, на мой взгляд, является весьма желательным. Это не только позволяет оперативно вводить в научный оборот ценный материал, но также и раскрывает читателю «лабораторию» учёного. И в данном отношении книга В.А. Аракчеева служит образцом для исследователей истории Московского государства.

Андрей Павлов: Новый взгляд на историю тяглых сословий XVI–XVII вв.

Andrei Pavlov (Saint Petersburg State University, Russia): A new look at the history of taxed sosloviya in the sixteenth and seventeenth centuries

Книга В.А. Аракчеева посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем в изучении допетровской России — истории тяглых сословий, которые составляли абсолютное большинство населения, «становой хребет» государства, являлись главным источником налоговых поступлений. В исторической литературе история крестьянства, посадских людей и политика государства по отношению к ним, как правило, рассматривались отдельно. Книга Аракчеева

¹⁹ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I. М., 1913. № 59. С. 81.